

Мне скучно, бес.
Пушкин. "Сцена из Фауста"

Это случилось уже после того, как в Нидерландской Опере Конюбю трамваем (!) отрезали голову. Однако, до того, как на сцене Эрмитажного театра боярская дума собиралась на пленарное заседание в предбаннике, окутанном клубами пара. Не то чтобы мы не могли припомнить и других, не менее впечатляющих режиссерских находок (о них исмало писали, в том числе, и в нашей газете), но именно между амстердамским "Мазеной" и петербургским "Борисом Годуновым" нам пришлось присутствовать еще на одной в своем роде примечательной премьере.

... Земля же была безвидна и пуста. Закрытое со всех сторон голое пространство сныи наималомо ризизе что торемный двор тот самый из "Прогулки заключенных" Ваи Гога. С последними звуками интродукции отворяется дверь (цель?) в задней степе и на сцену в трехоселой инвазивной коляске выкатывается Фауст, сопровождаемый санитаром. Режиссура вясчески подчеркивает, что действе происходит не в обычной богадее, а скорее всего в сумасшедшем доме (одному из рецензентов померещился даже Шарангтон, де маркиз де Сад испытан на себе престели наполеоновской "карательной психиатрии").

Отчаявшийся Фауст — больной и немощный старик — призывает духа зла. Тот стремительно выезжает из правой кулисы на мотоцикле с коляской. За ним следуют охранники в черной униформе. Мефистофель — молодой человек лет тридцати в светлом плаще современного покроя и в шляпе, не украшенной привычным пером. Хрестоматийная шпага тоже не при чем... Сблужденный видением юной Маргариты, Фауст подписывает кабальный договор, вынимает из бутылочки эликсир молодости, — и тотчас на глазах у зрителя срывает больничные одежды и с помощью охранников переодевается в цивильное платье. Тут обнаруживается, что костюмы помолодевшего Фауста и Мефистофеля пошиты на одной фабрике. Сие, по мысли режиссера, должно было означать, что Мефистофель — не более, чем скрытая от нас ипостась, alter

его Фауста. Вместе они уносятся на мотоцикле в левую кулису навстречу новым приключениям.

... Ярмарочное веселье на площади средневекового немецкого города оживлено и расцвечено пронесшимися на велосипедах юными горожанками. Часть горожан — хористы разгуливает — кто в чем — на сцене, остальные выглядывают из окон-шелей своеобразных жалюзи по всему периметру стены. Солдаты, отправляющиеся в поход во главе с Валентином, маршируют в странной форме (на головах у них почему-то турецкие фески). Женщины (современный штрих!) устраивают потасовку, не поделив напоселок между собой солдат.

Странное, хотя и объяснимое отсутствие балетной труппы, впечатление производит знаменитый вальс: все пары, застав на месте, едва раскисавшие в такт музыке. Вальсирует лишь один из калыверов с большой трагичной куклой в руках. В конце вальса он дунит и истязает куклу, а затем швыряет ее. Так намечается еще один режиссерский лейтмотив спектакля — садомазохистский.

... На веревках, протянутых через всю сцену, сушится белье. Да не простое — многократно обыгранное и использованное режиссером и как социально ориентированный дизайн, и как активный элемент mise en scene. Так Фауст, дождавшись, пока Мефистофель скроется в сцену (виноват, за висящим бельем, какой же дом с садом у бедной девушки из рабочего предместья!), начинает восторженную каватину “Привет тебе, приют невинный ...” Прижимает к сердцу простыни, словно хранящие тепло возлюбленной, срывает и драпируется в одну из них. Маргарита же, распелладу о фульском короле, снимает высохшее белье и укладывает его в корзину; это занятие она с Фаустом продолжает в четыре руки. Покада Мефистофель уаживает за Мартой на авансцене, влюбленные прячутся за оставшимися на веревках бельем. Лилые проектора подсвечивают простыни во время ядовитого “Заклинания цветов”. Напротив, в розовом свете! Когда же торжествующий Фауст на руках уносит Маргариту, белье (о, судьбонный знак)

обрушивается на землю. Из всех щелей жалюзи, опоясывающих сцену, высовываются сплетничающие горожане.

И в следующем акте, Маргариту, обещанную и покинутую, согладаясь беззастенчиво «опицывают» лучами фонариков, слонно сверлят любопытствующими и осуждающими взглядами (еще одна блистательная метафора!). Сисла в храме недалирует излюбленную тьму двойничества: Мефистофель, облаченный в ярус священника, вместо пастырского утешения бросает Маргарите жесткое: «Нет, о молитве забудь!»

... Хор солдат, возвращающихся из похода. Израненные, забинтованные (Валентин на костылях), они маршируют в каблуках, в разодранных гимнастерках с засученными рукавами на *la Wehrmacht*, со скатками за спиной. В их фантастической окипировке не хватает разве что **ф а у с т а т р о н о в**! Мефистофель в коричневом костюме с красным галстуком, Фауст в черной пире и почему-то с двумя большими дорожными чемоданами в руках... Дуэль между Фаустом и Валентином. Мефистофель погугу выбивает когсиль из рук Валентина и тот падает на нож (!) Фауста.

... Вальпургиева ночь (увь, без балетных спен). Полуголые черти в кожаной упряжи и пикапные ведьмы в черных границах и чулках. Мефистофель служит чудовищную сатанистскую литургию обожженной Венере, распятой на кресте. Между тем, то ли санитары из психиатрической клиники, то ли монастырская братия остригают волосы Маргарите, охраняя ее, правда, с опозданием, "от зла и искушений". Маргарита обращается с восторженной молитвой к Творцу. Спасена!

Все это было, было, было... Попытка осовременивания, "обывотления", травестирования "Фауста" предпринимается вскоре после парижской премьеры оперы Гуно. Особенный успех выпал на долю "Маленького Фауста" Флоримона Эрве (автора популярнейшей "Мадмуазель Нитуш"), на сцене Александринского театра в Петербурге, где он шел довольно долго под названием "Фауст паниканику". Все же оперетта Эрве была лишь дерзкой и остроумной пародией. Мефистофель как оборотень-двойник Фауста впервые явился в "Фауст-симфонии"

Листа. Там это убедительно "доказывалось" чисто музыкальными средствами: темы Мефистофеля представляли собой гротескные трансформации музыкальных тем Фауста. Но можно ли втиснуть философскую проблематику трагедии Гете, всю многогранность ее центральных образов в лирическую оперу Гуно? Всехитростная романтическая история не выдерживает ни глубокомысленных метафор, ни спенсических ухищрений, ни режиссерской суеты. Новые клише ничуть не лучше старых.

Рассказывают, в Одессе тоже был случай... Готовили афишу к оперной премьере, держали ответственную корректуру. Тщательно проверяли имена и фамилии постановщиков, секстакта и их ассистентов, певцов, концертмейстеров, режиссёров, всех вспомогательных служб театра. Еще тщательнее — время было такое — следили за тем, чтобы не забыть что-нибудь почтенное знание. Опасались обидеть именитого тенора, не вытиснуть в одну строку с фамилией — «дважды орденоносец». Спустя день, город оклеили афишами, на которых было крупно набрано: Шарль Гуно. ФУАСТ

Нам осталось только опубликовать афишу рецензируемого спектакля. Эйндховен, Нидерланды. Голландское *Nationale Reisopera* точнее всего переводится на русский язык как *Национальная Перевозимая Опера*. Это единственная (помимо известной по всему миру Нидерландской Оперы в Амстердаме) профессиональная оперная группа, обслуживающая города и все страны. Премьера «Fausta» прошла в различных городах Нидерландов в апреле этого года. Режиссер-постановщик Ханс Круаке, художник Том Схепк; симфонический оркестр филармонии Брабанта, музыкальный руководитель и дирижер спектакля Эд Спандар. Соллисты и хор *Reisopera*. С удовольствием отмечаем в целом весьма высокий, достойный музыкальный уровень спектакля.

Вряд ли, однако, российского читателя, а стало быть, и нашего корреспондента заинтересовал бы еще один благополучный "Фауст" на далекой провинциальной сцене. Если бы не случился ... Фауст.